

РАЗДЕЛ IV. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

Л. Р. Сираждинова¹

ORCID: 0009-0000-5066-6124

*Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
slr150900@mail.ru*

О. Г. Лазареску²

ORCID: 0000-0001-5178-4456

*Московский педагогический государственный университет
119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1,
строение 1
og.lazaresku@mpgu.su*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ГЕРОЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В данной работе рассматривается проблема становления «эпохального героя» на примере Средневековых литературных повестей как предшественников повестей («гисторий») петровского времени, процесс формирования его сознания и мировоззрения. Личность – это «зеркало» исторической эпохи, сформированная в конкретных социокультурных реалиях. В связи с этим возникает вопрос дифференциации литературного героя, его типов. Развитию эпохального героя способствовало изменение исторического самосознания, именно это явление становится особенно любопытным в процессе исследования становления личности в литературе XVIII–XIX вв. В литературной традиции сложилось определённое понимание характера русского человека, возникла типология литературных героев, этот феномен обусловлен «вызовом эпохи». При рассмотрении

¹ Сираждинова Любовь Рушановна, педагог дополнительного образования кафедры №5, Института русского языка, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия.

² Лазареску Ольга Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

проблемы становления «эпохального героя» необходимо проследить его эволюционный путь: процесс формирования сознания и мировоззрения. Для этого стоит прибегнуть к рассмотрению литературы периода Средневековья, именно в ней мы впервые встречаемся с героем, отражающим эпохальный, исторический строй, уклад быта, культурную среду эпохи. В повествовании возникают персонажи «выразители» времени, с помощью которых автор демонстрирует читателю общественные жизненные устои. И хотя художественная литература Средневековья не была выделена в автономную область коллективного сознания, она выполняла важную связующую роль с традиционными человеческими ценностями: религией, народной традицией. Именно в Средневековой литературе мы всё чаще встречаемся с личностью, отражающей эпохальный, исторический строй, уклад быта, культурную среду эпохи. В повествованиях возникают персонажи – «голоса» времени, с помощью которых автор демонстрирует читателю общественное жизненное начало.

Ключевые слова: Петровская эпоха, литературный предок, бытовые повести, эпохальный герой, выразитель времени, историзм, литературная традиция

Герой – «выразитель» своего времени, «эпохальный герой» в полную силу проявит себя в литературе XVIII века, однако именно в средневековой русской литературе наметятся качественные изменения в представлениях человека об окружающей действительности, установится связь между человеком и конкретно-историческими обстоятельствами его деятельности [2, 15]. Художественная литература Средневековья выполняла важную связующую роль с традиционными человеческими ценностями: религией, народной традицией. Стоит отметить ещё одну характерную особенность литературы XVII века – историзм [1, 24]. В большинстве произведений этого периода главными героями являются исторические фигуры: князья, правители, занимающие верхнюю ступеньку иерархической лестницы. Историзм приобретает специфический характер: события изображены здесь как божественная воля, провидение, предназначение. Основными темами данного литературного периода становятся процессы становления государства, народа как культурной общности [11, 45]. Персонаж приобретает особое значение, он становится ключом к постижению исторических реалий. Стоит обратить внимание на патриотический и героический пафос повествования. Тема Родины становится лейтмотивом, мы

не только наблюдаем за красотой русской земли, но и осознаём роль личности в её истории [8, 233]. Впервые мы сталкиваемся с русским человеком, который обладает высокими моральными принципами: ради общего блага герой готов пожертвовать самым дорогим – жизнью. Мы сталкиваемся и с фольклорной традицией, героем, сумевшим победить зло, вернувшем спокойствие и мир в родные места, защитив слабых и нуждающихся. Во второй половине XVII века историзм средневековой литературы обретает новое качество. Это связано с трансформацией жанра повести, в которой появляется новый тип героя, с отличными условиями общественной и культурной жизни: борьбой старого и нового во всех сферах жизни, усилением экономических и культурных связей России с Западной Европой, развитием школьного образования и др. [12, 50]. В русской литературе возникают новые жанры: бытовая повесть, сатира, драма, виршевая поэзия. Мы можем обозначить данный литературный период как «переходный» от Средневековья к Новому времени [13, 77].

Особое внимание стоит обратить на бытовую повесть второй половины XVII века – «Повесть о Горе-Злочастии», именно в ней происходит отражение конфликта эпохи, появляется новый тип героя «вымышленный персонаж», который может быть охарактеризован как герой, который «отпал» от рода [10, 113]. Результатом потери связи с родовым сознанием становится разрушение жизни человека; это яркий пример, демонстрирующий соборное самосознание и героя, который рвёт связь с родовым началом и отстраняется от традиционного жизненного уклада. В литературных произведениях XVII века происходит «демократизация литературного героя», [14, 352] перед нами безымянный молодец, который презрел устои рода и заветы старшего поколения, впал в «наготу и босоту безмерную». [14, 353] Автор показывает нам греховное падение главного героя, ставя его в один ряд с греховным падением Адама и Евы, нарушившими «заповѣдь Божию, вкусили плода винограднаго» [14, 353]. Такой характер повествования позволяет подчеркнуть всеобщий масштаб изображаемого. Герой убеждается в мудрости старшего поколения только после совершения собственных ошибок: «от великаго разума / наживал он живота болшы старова». Сгубило Молодца «гнило слово похвалное». Горе, явившись в образе архангела Гавриила, убедило его в том, что семейное счастье и богатство таят опасность («быть тебѣ от невѣсты истравлену /... / из злата и сребра бысть убитому»), а истинное блаженство можно обрести, став пьяным и нищим: «Да не бьютъ, не мучатъ нагих-босых / и из раю нагихъ-босых не выгонять...» [14, 356]. Стоит обратить внимание на семантику

названия произведения: перед нами персонализированная судьба героя, наполненная «горем и злосчастьем», причина же отстранения героя от христианских заповедей и заветов отца кроется в индивидуализированном самосознании, в его «несмысленном и неуимчивом» сердце. От настоящей трагедии («горя и злосчастья») героя берегают «святые стены монастырские».

Мы можем сделать вывод о том, что перед нами герой «нового типа», способный отвергнуть традиционный уклад жизни, традиционные ценности; хвастун и пьяница с тяжестью осознаёт всю глубину своего нравственного падения, его «сердце невесело, / а бѣлое лице унынливо, / и ясныя очи замутились» [14, 352]. Автор и читатель сопереживают герою, который пытается жить по своему уму, но совершает роковые ошибки.

Идейная основа данной повести заключается в попытке отпавшего от рода человека жить и действовать собственным умом, это и приводит к разрушению его судьбы, к трагедии и гибели. А христианские аллюзии – библейская история об Адаме и Еве – подчёркивают вечную, непреходящую проблему взаимоотношений человека и мира. Значимыми тематическими аспектами повести становится ряд мотивов. Мотив грехопадения главного героя; здесь стоит обратить внимание на два образа-символа: Змей – искушитель и вино – механизм искушения, запретный плод. Основной проблематикой данного произведения является нарушение заповедей Господних, становление на греховный путь, нравственная и физическая гибель [9, 225]. Понять это можно и по помогает и мотив наготы, срама, стыда; добровольного изгнания; богатства, которое он наживает в грехе; искушения – мог бы исправиться, но поддался искусству похвальбы; уныния – живёт в веселье, но сердце его невесело, лицо уныло. Обратимся теперь к системе персонажей, здесь мы можем выделить следующих главных героев: безымянный герой – Молодец и Горе – его двойник. Молодец делает личный выбор, обрекая себя на нищету, которая вовсе не была написана ему на роду, Горе побеждает. Автор ставит читателя перед вопросом: монашество героя в финале повести – это вынужденный выбор или осмысленное решение, свидетельствующее о духовном созревании героя? Монастырская обитель становится для него «вынужденным пристанищем», а не покаянием и примирением? Так или иначе, перед нами новый тип героя, в котором отразились проблемы самой эпохи, пытавшейся удержать человека в рамках устоявшегося сознания, но не способной сдерживать его стремление к личному выбору, даже если этот выбор чреват разрушениями и смертью [6, 118].

Прибегнем к рассмотрению анонимного литературного памятника – «Повести о Фроле Скобееве» [14, 390]. Анализируя семантику названия, мы понимаем, что в центре внимания личная судьба человека. Герой повести – Фрол Скобеев придерживается принципа «буду полковник или покойник!», он не выбирает средства достижения социального успеха: переодевшись в женскую одежду, он проникает в дом своей возлюбленной; подкупив няню, получает возможность свидания с Аннушкой, затем похищает девушку. Герой действует как опытный интриган, способный подчинить себе положение дел. Показателен и эпизод с разыгрыванием сцены смертельной болезни Аннушки для выманивания прощения у родителей девушки. Перед нами герой, который отпал от рода, но это не привело его к разрушению судьбы, он берёт её в собственные руки: плетёт интриги, подчиняет себе обстоятельства, попирает моральные устои, отклоняется от традиционных ценностей, но добивается успеха и благополучия. Отец Аннушки вынужден смириться с судьбой и признать его своим зятем и «наследником во всем своем движимом и недвижимом имении». В характере главного героя мы видим преломление «эпохальной личности», его моральное падение и нравственное разложение. Идейной основой данной повести становится процесс достижения жизненного успеха человеком, имеющим определенные черты характера, особенности мировоззрения. Сама историческая эпоха дала широту возможностей людям подобного типа, и это составило культурно-историческую основу данной повести: упразднение «разрядных книг», которое открыло путь к власти, богатству и жизненному успеху беднякам. Сюжетной основой повести является процесс достижения героем жизненного успеха, невзирая на этические нормы, путём шантажа, разыгрывания сцен, переодевания. Он живёт «своим умом», но терпит не крах, а добивается поставленных целей. Он уповаet не на Бога или Дьявола, а на себя. То же и Аннушка – сама выбирает, кого ей любить. Главный тематический аспект данной повести – добывание жизненного успеха любой ценой; основная проблема: жизненный успех – главное мерило человека, он зависит только от личных качеств. Значима и роль композиции в изображении нового героя: в повести две части – 1) интрига; 2) мотивация поступков, изображение характеров (печаль, грусть, радость). Подобное соотношение частей отражает приоритет личного над общим, внимание к деталям поведения, внутренним устремлениям человека, его желаниям. Те же тенденции можно усмотреть и в особенностях стиля повести: стилистической пестроте, индивидуализированном языке персонажей [4, 934].

Фрол Скобеев – первый в русской литературе плут, интриган, это отражает и специфику жанра повести – плутовская новеллистика. «В оценке литературного героя – Фрола Скобеева необходимо руководствоваться исходя не из критериев нравственности, а из конкретно-исторического смысла самих поступков: с этой точки зрения плутовское поведение Фрола есть почти единственно возможная для данного времени форма утверждения самостоятельной личности, выявления ее энергии» [5, 215].

«Самосознание личности находит отражение в новом жанре – бытовой повести, в которой появляется новый герой — купеческий сын, захудалый безродный дворянин. Одним из последствий церковного раскола стало изменение сознания человека – перед нами процесс формирования личности с индивидуальными чертами: отказ от родового сознания, отречение от христианских заповедей и родительских наказов.

Обратимся теперь к «Повести о Савве Грудцыне», она демонстрирует переходный этап в развитии русской бытовой повести второй половины XVII в., центральным здесь становится мотив поиска собственной судьбы [7, 33]. В «Повести о Савве Грудцыне» представлена конкретная топонимика и ономастика, перед нами герои, обладающие именем и конкретной «географической привязкой», автор уделяет особое внимание деталям. Повесть состоит из ряда последовательно сменяющихся друг друга эпизодов, составляющих основные вехи биографии Саввы: юность, зрелые годы, старость и смерть. В юные годы отец героя отправляет его по делам торговым в город Орёл Соликамский, где он совершает первый духовный проступок: предается любовным утехам с женой друга отца Бажена Второго, смело попирая святость семейного союза и святость дружбы. Данный пример демонстрирует ненастоящие любовные интриги Саввы Грудцына, здесь изображены первые «переживания сердечные». Опoенный любовным зелием, изгнанный из дома Бажена, Савва начинает терзаться муками любви: «И се начат яко неки огонь горети в сердце его... начат сердцем тужити и скорбети по жене оной... И нача от великия туги красота лица его увядати и плоть его истончеватися» [14, 333]. Для исцеления душевной скорби и тоски Савва отправляется в город. Автор сопереживает герою, осуждает поступок «злой и неверной жены», коварно прельстившей его. Но этот традиционный для русской литературы мотив прельщения невинного отрока помогает раскрыть реальные психологические качества Саввы Грудцына [14, 334]. Важным для понимания образа главного героя становится мотив союза человека с дьяволом: в порыве любовной

скорби Савва взывает к помощи дьявола, и тот не замедлил явиться на его зов в образе юноши. Он готов оказать Савве любые услуги, требуя от него лишь дать «рукописание мало некое» (продать свою душу). Герой исполняет требование беса, не придав этому особого значения, и даже поклоняется самому Сатане в его царстве; дьявол, приняв образ «брата названного», становится преданным слугою Саввы. Идейная основа данной повести заключается в конфликте добра и зла, божественного и демонического, именно с помощью такой идеи мы можем наблюдать, как раскрываются черты личности главного героя. Культурно-историческая основа повести связана с расширением экономической и социальной деятельности наиболее активных слоёв населения, в частности купечества, способного быстро перемещаться в разные географические места ради продажи своих товаров [3, 125]. Подобное обстоятельство стало толчком для жизненных испытаний героя данного произведения. Важен и исторический контекст повести, сопряжённый с авторским вымыслом: события 1632–1634 гг. – война за Смоленск, где персонаж с помощью беса добивается высоких степеней героя войны. Сюжет повести построен на христианских аллюзиях: религиозная легенда – ради любовного интереса заключить союз с Дьяволом; далее – болезнь, ожидание смерти и наказание за грехи, раскаяние; наконец, вымаливание прощения у Богородицы; пострижение в Чудовом монастыре. Развязка данного произведения связана с традиционным мотивом «чудес» богородичных икон: Богородица своим заступничеством избавляет Савву от бесовских мучений, взяв обет отшельничества ради спасения души (уход в монастырь). Исцелившись, получив назад свое заглаженное «рукописание», Савва становится монахом. Главной темой повести становится жизненный путь молодого человека XVII в., впадшего в грех. Ключевая проблема: притягательность греха и способность противостояния бесовскому началу в себе. Важным для понимания нового типа героя становится анализ хронотопа: Савва движется от патриархального дома в город как чужой мир (на чужбину), в чужую семью (мотив отчуждения от рода), далее – за границы земного, где за душу Саввы сражаются бесы и воинство Христа, наконец, в монашью обитель как нахождение истинного, праведного пути. Только пройдя весь этот путь можно избыть грех. Система персонажей в повести представлена следующим образом: второстепенные герои – царь, бояре, военные, хозяин гостиницы, купцы, священник, монахи; главные герои – Богородица и Сатана. Второстепенные персонажи способствуют раскрытию личностных качеств Саввы Грудцына. Персонажи из мира религиозного служат определению судьбы Саввы,

он между ними – между Добром и Злом, Савва мечется в поиске истины. Нельзя не отметить мотив двойничества в повести: это темная сущность героя, с которой он борется внутри себя [14, 344].

Таким образом, русская литература Средневековья – это период формирования героя нового типа, в котором концентрированно выражаются главные тенденции эпохи – стремление человека самому определять свою судьбу, искать истину, которая видится ему не в том, что дано опытом предыдущих поколений, а в его личном опыте [5, 290]. Новаторство перечисленных повестей состоит и в попытке изображения человеческого характера в конкретно-исторических, бытовых условиях, в чем можно усмотреть предпосылки возникновения «героя-зеркала эпохи». Именно в литературе периода Средневековья мы находим литературных предшественников героев Петровского времени и последующей литературы – эпохальную личность, в самоидентификации которой лежит исторический и культурный компонент.

Список литературы

1. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: Учеб. для студентов вузов. Москва: Аспект Пресс, 1999. 452 с.
2. Дёмин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII вв. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. Москва: Наука, 1977. 296 с.
3. Зезина М. Р. История русской культуры: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История» / М. Р. Зезина, Л. В. Кошман, В. С. Шульгин. Москва: Высшая школа, 1990. 432 с.
4. Зорина Е. Д. Лингвистический анализ галантной повести XVIII века «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне флорентийской земли» // Синергия Наук. 2020. № 43. С. 933–938.
5. Кожин В. В. Происхождение романа. Москва: Советский писатель, 1963. 440 с.
6. Кузьмина В. Д. Повести петровского времени // История русской литературы: В 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 3. Ч. 1. С. 117–136.
7. Кулешов В. И. Вершины: книга о выдающихся произведениях русской литературы. Москва: Детская литература, 1983. 430 с.
8. Кулешов В. И. История русской критики XVIII – начала XX века. Москва: Просвещение, 1991. 432 с.

9. Кусков В. В. История древнерусской литературы. Москва: Высш. шк., 1989. 304 с.
10. Лазареску О. Г. Сюжетостроение и система образов «гистории» петровской эпохи как призма национальных идеалов // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании : [сб. науч. ст. : в 2-х т.] / [редкол. : А. Г. Кутузов (пред.), Э. Ф. Шафранская (отв. ред.), Т. В. Павловец (отв. ред.) и др.]. Москва: МГПИ, 2011. Т. 1. С. 109–114.
11. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям. Москва: Высш. шк., Academia, 2000. 415 с.
12. Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Москва: Издательство АН СССР, 1963. С. 47–70.
13. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Ленинград: Наука, 1973. 280 с.
14. Скрипиль М. О. Русская повесть XVII века: Тексты и переводы / Сост.: М. О. Скрипиль; Пер. Ю. С. Сорокина и Т. А. Ивановой; Подготовка текстов, статья и примеч. Н. И. Тотубалина и др.; Послесл. И. П. Лапицкого. Москва: Гослитиздат, 1954. 479 с.

REFERENCES

1. Gukovsky G. A. Russian literature of the 18th century: Textbook. for university students. Moscow: Aspect Press, 1999. 452 p. (In Russ.)
2. Demin A. S. Russian literature of the second half of the 17th – early 18th centuries. New artistic ideas about the world, nature, man. Moscow: Science, 1977. 296 p. (In Russ.)
3. Zezina M. R. History of Russian culture: Textbook. aid for students universities studying specialties. «History» / M. R. Zezina, L. V. Koshman, V. S. Shulgin. Moscow: Higher School, 1990. 432 p. (In Russ.)
4. Zorina E. D. Linguistic analysis of the gallant story of the 18th century «The History of the Russian sailor Vasily Koriotsky and the beautiful princess of the Florentine land» // Synergy Sciences. 2020. №43. Pp. 933–938. (In Russ.)
5. Kozhinov V. V. Origin of the novel. Moscow: Soviet Writer, 1963. 440 p. (In Russ.)
6. Kuzmina V. D. Tales of Peter's time // History of Russian literature: In 10 volumes. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. Vol. 3. Pp. 117–136. (In Russ.)

Л. Р. Сираждинова, О. Г. Лазареску

7. Kuleshov V. I. Peaks: a book about outstanding works of Russian literature. Moscow: Children's literature, 1983. 430 p. (In Russ.)

8. Kuleshov V. I. History of Russian criticism of the 18th – early 20th centuries. Moscow: Education, 1991. 432 p. (In Russ.)

9. Kuskov V. V. History of ancient Russian literature. Moscow: Higher. school, 1989. 304 p. (In Russ.)

10. Lazarescu O. G. Plot construction and the system of images of «history» of the Peter the Great era as a prism of national ideals // Philological traditions in modern literary and linguistic education: [collection. scientific Art.: in 2 volumes] / [ed.: A. G. Kutuzov (pres.), E. F. Shafranskaya (responsible editor), T. V. Pavlovets (responsible editor), etc.]; Department of Education of Moscow, Moscow. humanist ped. int. Moscow, 2011. Vol. 1. Pp. 109–114. (In Russ.)

11. Lebedeva O. B. History of Russian literature of the 18th century: Textbook. For university students studying philology. specialties. Moscow: Higher. school: Academia, 2000. 415 p. (In Russ.)

12. Likhachev D. S. System of literary genres of Ancient Rus' // Slavic literature. V International Congress of Slavists. Reports of the Soviet delegation. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. Pp. 47–70. (In Russ.)

13. Panchenko A. M. Russian poetic culture of the 17th century. Leningrad: Nauka, 1973. 280 p. (In Russ.)

14. Skripil M. O. Russian story of the 17th century: Texts and translations / Comp.: M. O. Skripil; Per. Yu. S. Sorokin and T. A. Ivanova; Preparation of texts, articles and notes. N. I. Totubalina and others; Afterword I. P. Lapitsky. Moscow: Goslitizdat, 1954. 479 p. (In Russ.)

LITERARY PREDECESSORS OF THE HERO OF THE PETER THE GREAT ERA IN LITERARY TEXTS

Lubov R. Sirazhdinova

Teacher of additional education of the Department №5, Institute
of the Russian Language Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)

Olga G. Lazarescu

Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian
Literature, Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russia)

Abstract

This paper examines the problem of the formation of an «epochal hero» using the example of Medieval literary stories as predecessors of stories («histories») of Peter the Great's time, the process of formation

of his consciousness and worldview. Personality is a «mirror» of a historical era, formed in specific sociocultural realities. In this regard, the question of differentiation of the literary hero and his types arises. The development of the epoch-making hero was facilitated by a change in historical self-awareness; it is this phenomenon that becomes especially curious in the process of studying the formation of personality in the literature of the 18th–19th centuries. In the literary tradition, a certain understanding of the character of the Russian person has developed, a typology of literary heroes has emerged, this phenomenon is due to the «challenge of the era». When considering the problem of the formation of an «epoch-making hero», it is necessary to trace his evolutionary path: the process of formation of consciousness and worldview. To do this, it is worth resorting to considering the literature of the Middle Ages; it is in it that we first meet a hero who reflects the epochal, historical system, way of life, and cultural environment of the era. In the narrative, characters appear as «expressors» of time, with the help of which the author demonstrates to the reader the social principles of life. And although the fiction of the Middle Ages was not isolated into an autonomous area of collective consciousness, it played an important connecting role with traditional human values: religion, folk tradition. It is in Medieval literature that we increasingly encounter a personality reflecting the epochal, historical system, way of life, and cultural environment of the era. In the stories, characters appear – the «voices» of time, with the help of which the author demonstrates to the reader the social principle of life.

Keywords: Peter's Epoch, literary ancestor, everyday stories, epochal hero, exponent of time, historicism, literary tradition

Для цитирования: Сираждинова Л. Р., Лазареску О. Г. Литературные предшественники героя Петровской эпохи в художественных текстах // Libri Magistri. 2023. № 4 (26). С. 79–89.

Поступила в редакцию 10.09.2023